

EDITA

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ В ВЕСТФАЛИИ

**ВЫПУСК 4(62)
2015**

Содержание

ПОВЕСТЬ

Кирилл Берендеев, Анна Райнова 3

ИСТОРИЯ

Екатерина Бакулина 27

Татьяна Томах 32

Марина Ясинская 35

Дмитрий Иванов 45

Евгения Халь, Илья Халь 47

ЛИРИКА

Ирина Грановская 50

Мила Машнова 52

Анастасия Снегина 53

Ника Батхан 55

ИРОНИЯ

Светлана Тулина 63

Татьяна Танасийчук 64

Павел Веселовский 65

Что нового?

<http://www.editagelsen.de/>

<http://edita-b.livejournal.com/>

Импрессум

EDITA, Ausgabe 4(62), 2015

Verleger: Literaturverein „Edita Gelsen e.V.“

Postfach 100304, 45803 Gelsenkirchen

Verantwortlich i.S.d.P. A.Barsukov

E-Mail: logobo@gmx.de

Druck – hauseigener Betrieb

ISSN 1866-6310

Выходит ежеквартально

В связи с увеличением объема критических и полемических материалов редакция сообщает: мнения редакции и авторов публикаций не обязательно совпадают.

ПОВЕСТЬ

Кирилл Берендеев
Анна Райнова

СОПРИКОСНОВЕНИЕ

Самолёт закончил снижение, легко коснулся земли и помчался по взлётно-посадочной полосе. Кто-то из пассажиров радостно захопал, ему сразу ответили, и по мере торможения лайнера в салоне, точно на театральной премьере, длились овации. Затем послышался приятный, с отточенными обертонами, голос бортпроводницы:

— Наш лайнер совершил посадку в аэропорту «Домодедово»; московское время двенадцать часов тридцать минут, температура за бортом восемнадцать градусов Цельсия. Экипаж судна желает пассажирам удачного дня, — затем она повторила тоже на английском языке.

Оторвавшись от иллюминатора, за которым промозглый август сковал свинцом туч небосклон, я сомкнул веки, вспоминая мерное покачивание, плеск волн и ароматные волосы, восхитительным шёлком текущие сквозь пальцы. Рядом, точно беззащитный котёнок, уткнувшись вздёрнутым носиком в подмышку, неслышно дышала Марина. В ту последнюю ночь мы задержались на палубе до самого рассвета. Нагие и счастливые под ярким куполом тропического неба, где подобием рваного газового шарфа отчётливо виднелась млечная дорога. Мириады звёзд пригоршнями самоцветов над головой, а под ногами — зыбкими колеблющимися отражениями своих небесных собратьев. Средиземное море изумлённо затихло, любясь великолепием ночи. Наша яхта скользила меж отражёнными созвездиями и туманностями, будто и впрямь затерявшись в отдалённом рукаве безвестной галактики. Сбросив с себя наносное, не в силах надыхаться друг другом и этой первозданной красотой, мы впитывали ощущение единения с миром и редкое чувство совпадения, созвучия душ.

Удивительное чувство! Слово не существовало борта и парусов, и даже обслуживающей яхту команды. Марина позабыла о купальнике, вообще об одежде, даже во время еды ограничивалась полупрозрачными накидками, облегавшими её стройную фигуру. Я терял голову в её нежных, дразнящих объятиях. Не мог надыхаться запахом волос, насмотреться на волшебную фею с игривыми искорками в глазах цвета крепкого чая....

Лёгкое прикосновение к плечу, заставив вздрогнуть, вернуло меня в реальность: пора выходить. Замечтавшись, я не заметил высадки; рассеянно кивнул стюардессе, дежурно улыбающейся замешкавшемуся пассажиру, и поторопился выйти. Мыслями оставаясь далеко, не желая вернуться из того рая на земле, где ещё вчера мне выпало невероятное счастье пребывать.

Как жаль, что сразу после нашего отпуска Марина должна была вернуться в Рим. Мы расстались в аэропорту, замерев в объятиях до последнего мгновения. Она обещала вернуться в Москву через месяц, когда закончит дела, шептала, что разлука будет невыносимой. Глаза подёрнулись влагой, но она сдержалась, улыбнувшись перед тем, как

скрыться в разверстых воротах, отделявших чистую зону. Мой рейс ожидался через семь часов. Потерянный, точно ребёнок, я остался за чертой.

Встряхнулся, выходя из ступора, прошёл паспортный контроль и, дождавшись, когда на транспортёре появится мой новенький чемодан, купленный по случаю, направился к выходу. Пока договаривался с таксистом, холодный, порывистый ветер успел до костей пронизать избалованное южным теплом тело, не желавшее принимать августовскую температуру. Заметив, что я дрожащими руками запахиваю пиджак, водитель понимающе кивнул и включил печку. Пока мы вырливали с парковки, в салоне стало немного теплее.

Едва расслабившись, вспомнил о телефоне, который выключил да так, кажется, и не включал, в один из первых дней отпуска. Марина не пожелала делить меня с сенсорным раздражителем, без конца нарушавшим нашу идиллию.

— Ты в отпуске, — громко заявила она и без церемоний выключила мою прелесть. Ещё бы. Мобильный служил мне для заключения предварительных договорённостей, контроля над поставками необходимых для нашей лаборатории химикатов, деловых переговоров, для связи с мамой, которую я вечно не успевал навещать. Свободно умещавшаяся в ладони серебристая коробочка протягивала связующие нити от моей замкнутой натуры к вечно гомонящему, спешащему и беспокойному миру людей. Сонмы разнообразных голосов изо дня в день вторгались в уши. Благодаря мобильнику я мог отдавать распоряжения, уговаривать и даже ругаться, не выходя из скорлупы уединения, сквозь прочные стенки которой, сколько себя помню, постигал странную штуку под названием жизнь. Совсем ещё маленьким, я мог долго играть в песочнице один, выстраивая причудливые замки, а если рядом появлялись другие дети, забивался в угол или уходил домой, где всегда находил себе занятия по душе, не требуя внимания взрослых.

— Опять весь день с конструктором просидел, — сетовала бабушка, стоило маме переступить домашний порог. — И не поймёшь, что в доме ребёнок, хоть бы вазу разбил, что ли. Другие мальчишки вон как бедокурят, а этого с места сдвинуть нельзя. Я иногда даже в комнату проверить захожу, жив ли, непонятно. В садик его надо, а то совсем говорить отучится.

Мама улыбалась этим словам, она никогда не пыталась лепить из меня нечто своё, любила какой есть и поскольку сама обладала нравом спокойным и задумчивым, моя замкнутость её совершенно не тревожила. А вазу, вопреки опасениям бабушки, я всё-таки разбил. Забрался однажды под стол, играя с пластмассовыми солдатиками, зацепил скатерть и...

Помню, как, сметая блестящие осколки, бабушка смотрела на меня из-под толстых стёкол вечно сползавших на кончик носа очков, будто только теперь нашла настоящее подтверждение нашего кровного родства. Ведь и в семьдесят пять за этими стёклами продолжала жить та юная активистка, что одной своей неутомимостью сумела протянуть до девяноста лет. В отличие от нас с мамой, существовавших, будто в параллельной реальности, она до последних дней проявляла ко всему происходящему вокруг живой интерес. Знала, куда, когда и к кому нужно обратиться, если что-то случилось, на кого надавить, с кем сговориться: неудивительно, что за советом и помощью, сколько себя помню, к ней приходили все соседи. Для начала бабушка угощала просителей чаем с домашней выпечкой, выслуши-

вала и только потом бралась за телефон или шла разбираться самолично. И ничего не брала взамен.

Машину трянуло на попавшемся под колёса ухабе, мгновенно вырвав меня из далёкого детства.

— Вот ведь дороги, чёрт их раздери, латают, зимой и летом, а толку ноль, — прокомментировал водитель, пытаюсь внести в поездку хоть какое оживление. Я ничего не ответил, вновь погружаясь в полудрёму. Тёмные тучи стряхнули на лобовое стекло первые капли дождя, контрастом напомнив о жарком солнце и бескрайней бирюзе Средиземного моря. Тишина и спокойствие, ласковый шёпот волн и трепет набегавшего тёплого ветра, а рядом она — Мариночка — убаюкали все тревоги. Всего месяц вместе, и я, опьянённый и одурманенный, потерял прежнюю сметку, забыл перед отъездом зарядить телефон, лежащий в кармане моей игрушкой.

Такси застряло в извечной пробке на МКАД. Пашка наверх дёргается, не может дозвониться, но делать нечего, придётся ему подождать, пока я доберусь до дома. Мысли переключились, я вспоминал первую встречу с Мариной, вздрагивая, когда колёса попадали в свежую выемку.

Возвращение из рая никак не давалось, наверное потому, что я попал в него так внезапно, давно смирившись со званием безнадёжного холостяка. Это Паша пригласил меня на барбекю, где и представил кухню из Италии. Несмотря на нашу многолетнюю, со студенческой скамьи, дружбу и десять лет совместной работы, я ни разу не слышал от Павла о Марине. Она поднялась мне навстречу из плетёного кресла и с открытой улыбкой, без тени лукавства на лице, охотно протянула руку. Одного взгляда оказалось достаточно, и нечто невыразимое случилось со мной, словно внутри переключился некий потайной рычажок, до этого момента остававшийся в полном бездействии, сузив кругозор до единственного объекта. Моей Мариночки. Я как-то сразу начал называть её своей.

Весь оставшийся вечер наслаждался тихим перезвоном её мелодичного голоса, а утром долго распекал своего партнёра по бизнесу за то, что он бесстыдно скрывал столь интересное родство. Пашка ухмылялся в ответ, становясь похожим на объевшегося запретных сливок кота. Сказал, что девушка с рождения живёт за границей и впервые за много лет приехала погостить, право же, он сам не знал, какая она теперь красавица. Не скрывая улыбки, записал её телефон на попавшемся под руку клочке бумаги и эффектным жестом протянул его мне. Да, в Пашке жил актёр, да ещё какой: помню, как своим рассказом о болезни несуществующей тётки ещё в институте он так разжалобил педагога по английскому языку, что пожилая женщина, прослезившись, прямо в коридоре поставила в зачётку заветные четыре балла, необходимые для получения стипендии. С другими предметами подобные кульбиты проходили редко, но в таких случаях он беззастенчиво использовал меня. Я писал за него коллоквиумы, курсовые и лабораторные работы, а в благодарность этот мартовский кот всегда придумывал вознаграждение.

Например, познакомил с Леной. Она была старше нас лет на десять и давно замужем, но привлекала удивительной раскованностью. Дома, куда я приходил в отсутствие высокопоставленного мужа, без всякого стеснения ходила голой, играла на гитаре и хрипловатым грудным голосом исполняла незатейливые песенки собственного сочинения, обучила меня играть на семиструнке, да и курить тоже. Любила перебирать тогда ещё густые волосы на моей макушке, называла солнышком и милым львёнком. Сражён-

ный непривычной нежностью и вниманием, я размечтался о кренделях небесных, начал строить планы на будущее. Пока не узнал, что к Лене похаживал и Пашка, и Сергей, и Валера с потока, много кого она любезно принимала в своём розовом будуаре запретных страстей.

— Не дури, — говорил нагрывший в гости друг, после того, как я два дня не выходил из дома. — Она ведь дешёвка. Таких надо использовать по назначению и никаких душевных мук. Это просто.

Для Пашки всё было просто.

Машина остановилась, я очнулся в собственном дворе. Водитель, недовольный задержкой — вот уж эта московская привычка всех подгонять, чтоб нигде не поспеть, — выгрузил чемодан, и, взвизгнув тормозами, умчался.

Дождь закончился. Ветер резкими порывами сбивал с ветвей последние капли, они срывались в мутные лужи, оставляя расходящиеся полукружья и чуть погода растворяясь среди своих собратьев. Я поднялся в холостяцкую берлогу. Стылое одиночество выглядывало из каждого угла, странно, прежде я этого не замечал. Правильнее сказать — вообще не видел своего жилища, служившего мне лишь для того, чтобы наскоро перекусив, бросить на подушку усталую голову, а поутру, умывшись и побрившись, вновь мчаться на работу. Если не приходилось оставаться в ночное в лаборатории на стареньком диване, который я перетащил из квартиры бабушки.

Зарядное устройство обнаружилось на самом дне чемодана. Экран засветился, проигрывая заставку, а жизнь, сделав петлю в районе детской мечты, вернулась на круги своя, во всяком случае, пока не придет Марина.

Сообщений и безответных звонков была уйма, и ни одного от мамы. Сердце ёкнуло: мамы не стало больше года назад, она ушла из жизни так же внезапно, как и бабушка, исчезла в один день, верно, дожидалась меня, собиравшегося зайти не то в этот, не то на следующий день; но где там, все поглотила работа. Вот таким же звонком на мобильный меня приставили к стенке. С прошлогоднего лютого марта протянулся новый след жизни, однако я до сих пор надеялся услышать в трубке привычное: «Доброе утро, сынок».

Мобильный мама так и не освоила, последние годы почти не выходила из дома, если что, помогала соседка или наезжал я, последнее время всё реже. Мама не жаловалась — единственный человек, который меня понимал и поддерживал всю жизнь — и прощала без слов. Начиная с моего упёртого одиночества и кончая безумной идеей, захватившей с аспирантуры, что, верно, и отгородила от прочего мира, замкнув на лаборатории и двух знакомых: Катерине и Павле.

Как долго она себя не оправдывала! Сколько отняла у меня — времени, друзей и всего остального. Сначала в неё перестали верить товарищи, а руководитель проекта и вовсе посчитал меня малость свихнувшимся. Мне приходилось кланяться и выкручиваться, убеждая и доказывая. Затем страна перестала существовать, и прежде жирные отчисления на космическую индустрию превратились в узкий ручеек. Вскоре лабораторию прикрыли. Пришлось несколько лет бороться за выживание в родной столице, помогая часто болеющей матери. Бессильно улыбаясь, она всё говорила: «Хорошо, что бабушка этого не видит».

Наверное, хорошо. Бабушка ушла в начале перестройки, не поняв и не приняв её. Именно тогда её вера в непоколебимый альтруизм человечества как-то неожиданно дала трещину, а с ней враз иссяк тот казавшийся бесконечным заряд, что питал её с самой юности, помогая пережить

самые страшные годы, в одиночку вырастить и поставить на ноги двоих своих и двоих приёмных детей. Но ещё раньше не стало отца. Всей памяти о нём - уверенный голос, указующий мне моё место, и бутылка «Золотого колоса» на подоконнике. Что ещё, рубашки с запонками и сами запонки, целая горка, самые разные, золотые, серебряные...

Нет, это уже позже. Горку я распродал на барахолках в девяносто третьем, когда стало совсем плохо с едой. В то время я был то грузчиком, то продавцом, а по ночам сторожил привокзальный склад, зарабатывая сущие гроши и без того ежедневно обесценивающиеся.

Заставив себя отвлечься, я стал прослушивать голосовые сообщения.

Несколько минут не прошло, как, забыв о горячей ванне и кофе со сливками, я гнал машину, по дороге беспрестанно набирая Пашку и слыша в ответ неизменное: «Абонент недоступен, перезвоните позже». Слушал и не верил своим ушам. Наконец позвонил в лабораторию, мне ответил тихий Катин голос:

— Антон, слава Богу. Ты где?

— Лечу к тебе. Ты можешь внятно объяснить, что там у вас стряслось?

— Да тут такое! — запнувшись на последнем слове, проговорила Катя. — Приедешь, сам всё увидишь.

Я вдавил газ в пол. Сердце упало, таким безнадежным показался мне Катин голос, в душе укоренилось чувство неизбежной катастрофы, отзвуки которой, точно свет от взорвавшейся в глубинах космоса сверхновой, слишком долго доходили до моего сознания.

Я счастливо избежал её в начале девяносто четвертого, когда меня погнали со склада. Неожиданно позвонил Пашка и назначил встречу, когда я примчался, с важным видом поделился мечтой. За время, истекшее с института, он успел сколотить небольшой капитал в валюте, какое-то мошенничество, сколько его помнил, друг только этим и промышлял. Теперь собирался отмыть деньги, но чтобы открыть бизнес, он нуждался во мне до зарезу. Ведь у меня имелась доставшаяся по наследству бабушкина однушка, продав её «понаехавшим» из хлебной Тюмени нефтяникам, я выручил сумму, достаточную для стартового капитала рекламного агентства. Мы с Пашкой на правах партнёров начали своё дело. На удивление быстро разросшись, контора превратилась в солидную фирму. Пашка отстроился, дважды женился и расхотелся, затем перестал связывать себя брачными узами, говоря, что хорошеньких девушек в мире много, всем паспорта не проштемпелюешь.

Я вроде тоже стал преуспевающим бизнесменом, вот только засевавшая в мозгах бредовая идея не оставляла ни на миг, тем более, что я начал догадываться в чём именно была ошибка первых опытов. Деньги в то время текли на счета рекой, а с выборов конца девяносто пятого и лета девяносто шестого мы поймали просто без меры. Я посоветовался с Пашкой и открыл под эгидой нашего рекламного холдинга маленькую биохимическую лабораторию.

— Ты не думай, — усмехнулся партнёр, подписывая документы, — благотворительностью я не занимаюсь, а делаю долгосрочные вложения. Ведь если ты прав, мы сможем нехило зарабатывать.

Перед кризисом мы перебрались в центр, сняли сперва полдома, а затем и всё здание на Покровском бульваре. Из моего окна, сквозь завесу листьев старых лип, виднелось здание театра, делившего помещения с руководством футбольного клуба «Спартак». По улице ездил трамвай. Поначалу было непривычно слушать его перезвон, будто я вер-

нулся в чужое детство — мама рассказывала, как жила в Тёплом переулке, где в те годы тоже ходил трамвай, так же звеня и громыхая на стыках.

Подъехав к облицованному розовым мрамором зданию, я запарковался. Обычно курившая на улице охрана отсутствовала, вместо неё на крыльце, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, стояла Катя. Не дождавшись, пока я выберусь, девушка рванулась к «Мерседесу». Повисла на руке и тут же отскочила, словно бы причинила этим боль и мне, и себе, потом повела по коридорам осиротевшей фирмы. Здесь всё переменялось: кипы разбросанных по полу бумаг, пустые бутылки, опечатанные двери с белыми наклейками, в некоторых местах даже несколькими. Но более всего покорило даже не это, а непривычная тишина. Лишь шарканье моих шагов и нервный сбивающийся перестук каблучков Кати.

Внезапно за одной из опечатанных дверей послышался шорох, я вздрогнул всем телом. Нет, показалось, это проехал грузовик за окном.

Катя услышала тоже, или, почувствовав моё состояние, дёрнулась одновременно со мной, потеряв равновесие, вцепилась в руку. Некоторое время мы стояли, переводя дыхание, не смея поднять друг на друга глаза.

Мой кабинет оказался открытым, латунная табличка «РУКОВОДИТЕЛЬ ЛАБОРАТОРИИ ГИБЕРНАЦИИ МЕЗЕНЦЕВ А.И.» потемнела, будто месяц со дня моего отбытия прошёл лишь для меня, здесь же протекли годы и годы. Я нервно обошёл кабинет: шкафы раскрыты, папки лежат на полу, стол завален распечатками, на которые кто-то поставил початую бутылку минералки. Я неуютно устроился в собственном кресле, Катя села напротив и стала рассказывать:

— Павел Владимирович исчез, на счетах фирмы пять рублей семнадцать копеек на развод. Счастье, что лаборатория зарегистрирована на тебя, иначе и нас опечатали бы ещё до твоего приезда. Зарплату за месяц никто не получил. Ребята думали, ты тоже сбежал, и потому на работу, кроме меня, неделю никто не ходит. Через пять дней кончится договор с «Мосэнерго», нам отключат электричество. И всё, исследованиям конец. Все-му конец! — глядя в мои отсутствующие глаза, констатируя-вала она много раз передуманные умозаключения. — Десять лет коту под хвост. Что делать будем?

Хороший вопрос! Я вновь набрал Пашку, мне ответил всё тот же электронный голос, я задохнулся и швырнул на стол ни в чём не повинный телефон. Он зацепил кипу распечаток, та бумажной метелью разлетелась по полу.

— Выключи, прошу тебя, — всплыла в памяти заискивающая улыбка Марины. — Я с ума сойду от этих звонков.

Уцепившись за внезапную догадку, я набрал другой номер. Прослушав сообщение о недоступности абонента, хлопнул себя по лбу. Венка на виске начала пульсировать в предвкушении новой боли.

Господи, какой же я дурак! Облапошили, как безусого юнца. Точно сорокалетний девственник месяц назад открыл для себя блаженные радости. Я скривился. Вот уж точно девственник — только разумом. Не было никакой двоюродной сестры Марины, и в лучшем случае я предавался плотским забавам с нанятой Павлом проституткой. Почти как с Леной. Любовь оказалась дешёвой уличной магией.

— Кретин! — выругался я. Но сердце всё равно отказывалось верить, набрасывая в памяти картинки, от которых весь месяц ходил дурной, словно наглотававшийся валерьянки кот. Не такой жирный и наглый, как Пашка, напротив,

худой, лысеющий, да ещё такой затурканный: я всё удивлялся, чего же Марина во мне нашла?

— Антон! — нетерпеливо прервав мои мысли, громко воззвала Катя. Я вздрогнул. Ей больно, оно и понятно, почему. Я жизнь взвалил на алтарь собственных устремлений, а Катя — она поверила в меня. Я опустил взгляд:

— Катя! — произнёс и почувствовал, как она напряглась в ожидании ответа. — Сделай мне кофейку покрепче.

— А идите вы все! — подхватившись с места, вскрикнула Катя. — Мне одной, что ли, всё это надо, — и направилась к выходу из кабинета, закрыв ладонями лицо.

— А кофе всё-таки сделай, — бросил я вдогонку. Она замедлила шаги, но не обернулась, вместо этого бросила в меня газету «Из рук в руки», последнее утешение оставшихся без работы служащих, и скрылась в коридоре.

Окончившая с красным дипломом «Бауманку» Катя стала моей первой лаборанткой. Худенькая неприметная девушка, в свои двадцать восемь походившая на выпускницу школы с цепким, ясным взглядом и тихим, но уверенным голосом; она как-то сразу пришлась по душе, а после умудрилась стать поверенной во всех делах, и если быть до конца откровенным, единственным близким человеком.

Вместе нам удалось синтезировать гибридное ДНК и получить колонию микроорганизмов нового типа. Это была первая после долгих неудач настоящая победа. Видимо, любая бредовая идея, если от неё не отказался, рано или поздно оправдывает надежды.

В тот день мы с Катей радовались, как дети. Однако эйфория быстро улеглась: хоть интеграция синтетической ДНК в живые клетки удалась быстро, дальше дело застопорилось. Долго не удавалось вписать нашу надстройку и получить жизнеспособный организм крысы, ведь именно их в невообразимом пока будущем я хотел вывести на орбиту без всяких дорогостоящих скафандров и прочего оборудования. Ну а если когда-нибудь удалось бы защитить от сверхнизких температур человека...

После недолгих уговоров Пашка согласился увеличить отчисления. Мы расширились, а когда отшумел кризис, приобрели недостающее оборудование и несколько таких же больных наукой золотых мозгов из тех, кто ещё не успел податься за бугор.

И снова годы проб и ошибок, уродцы с изменённой ДНК. Большинство полученных таким образом детёнышей погибали, но один всё-таки выжил. Мы прозвали его Примусом. Дали немного подрасти и заморозили до десяти градусов Кельвина — забортной температуры нашей старушки-Земли. Продержав в герметичной камере более полусуток, вынули околешую тушку и, не веря собственным глазам, наблюдали процесс оживления. К вечеру Примус полностью восстановился и даже поел. Правда утратил приобретённые ранее навыки, из чего я предположил, что при полной остановке процессов жизнедеятельности происходит потеря временной памяти, что и подтвердилось последующими экспериментами. Однако Примус остался единственным в своём роде, остальные его собратья продолжали умирать, теперь уже в криогенной камере. Мы заново увязли в проблеме, я ходил по лаборатории бледный с покрасневшими от недосыпания глазами.

За время Катинего отсутствия я, одной рукой перелистывая газету, успел созвониться с агентом и выставить на торг свой пятилетний «мерседес», денег, вырученных от продажи машины, должно хватить на зарплаты ребятам. Я не скрывал от Павла своих реквизитов, чем он и не замедлил воспользоваться. Предваряя бегство, устранил меня на

месяц, ободрал фирму и лабораторию до нитки и был таков. Катя говорила, что вчера взимать долги приходили крепкие бритоголовые парни.

От понимания всего этого я впал в ступор и, не разбирая слов, перелистывал свежие номера. Абонемент на два года, мелькнуло в пустой голове, газеты ещё долго будут приходить по адресу лаборатории.

В дверях появилась Катя. Припухшие глаза за тонкими стёклами выдавали её с головой. Да она и не особо скрывалась, завкнув фарфором о стол. Я оторвался от чтения объёвлений. Глядя, как отчаянно она сдерживает слёзы, вдруг вспомнил ураган, обрушившийся на Москву весной девяносто восьмого. Мы снова засиделись допоздна, я собирался ночевать, когда набухшее желтизной небо рухнуло на город ураганом, именно она бросилась закрывать высокие окна кабинета, содрогавшиеся от ударов стихии. Я едва успел отбросить её к стеллажам и закрыть собой, спасая от осколков, буквально взорванных ветром. Мне с трудом удалось оттащить скованную ужасом девушку в предбанник, но и там она продолжала цепляться за меня и плакать. Я растерялся, одеревеневшими непослушными руками прижимал девушку к себе и шептал, что всё будет хорошо. Заметив на моём лице свежий порез Катя отпустила и принялась обрабатывать кровоточащую царапину смоченным в спирте тампоном.

После вновь попыталась обнять, я неловко отстранился, сказав, что причин для беспокойства нет, заживёт, как на собаке. Она резко поднялась и ушла, оставив меня наедине с буйствовавшей за стенами стихией. Несмотря на то, что наши доверительные отношения внешне никак не изменились, с тех пор даже в минуты радости Катя стала избегать моих прикосновений. Как она шаркнулась от поцелуя «в щёчку», перед бегством в Мариныны объятия.

Я напоил её валерьянкой и, удостоверившись в том, что лабораторные крысы накормлены, отправил девушку домой с наставлением хорошенько отдохнуть. Попросил по возможности связаться с бухгалтером фирмы, пусть составит смету задолженности по зарплатам сотрудников. Катя неохотно удалилась. Я облегчённо вздохнул, в подобные моменты необходимо побыть наедине с собой. Прокрутив в голове все возможные варианты и не найдя ничего подходящего, продолжил читать газету.

Я никогда не был решительным, твёрдым, обстоятельным — тем паче, в минуты критические. Напротив, в подобных случаях становился покорным и внимательным, с нахмуренным от напряжения лицом выслушивал чужие команды. Особенно Пашкины, уж кто-кто, а он умел выкрутиться из любой ситуации. Стоило конкурентам начать кампанию по созданию картеля в противовес нашему холдингу, Пашка сориентировался мгновенно. Первое время усердно делал вид, что играет в акулу капитализма, в несокрушимого Фрэнка Каупервуда¹. Затем продумал план уничтожения конторы и воплотил его в жизнь, оставив бывшего компаньона расхлёбывать предстоящий кошмар. Прекрасно зная, что тот сдаст всё.

Чёрт, он был прав, я не имел и малейшего представления, что с этим делать. Не знал, хватит ли денег оставшихся от продажи машины мне самому. Да и где я найду иную работу, кроме как разнорабочего. Пашка с каким-то садистским удовольствием швырнул меня обратно в девяносто четвертый, откуда и взял. Нет, я мог бы продать квартиру,

¹ Главный герой «Трилогии желаний» (романы «Финансист», «Титан», «Стоик») Теодора Драйзера.

чтоб сохранить лабораторию — и тут же оборвал себя: а где я буду жить?

Я нервно глотнул оставшийся на дне чашки стылый осадок. Захотелось увидеть Нюшу, хотя б чтобы выговориться. Денег у меня осталось двести долларов наличкой, этого хватит на одноразовый визит, но чем я буду оплачивать хлеб насущный? Я попытался схватиться за шевелюру, как это делал в молодости, как делала, любовно играя вихрами Лена, но пальцы сжались в кулаки, пропустив искомое. Нюша с юности влюбленная в латынь, часто повторяла одну поговорку: «Calvitium non est vitium sed prudentiae indicium»². Ей предваряя любые мои слова и беспомощные выражения, что отчаяния, что страсти. Глядя в её прозрачные голубые глаза, под которыми залегли едва заметные под гримом лапки ранних морщин, я прижимал Аню к себе, что-то говорил, или утыкался в шею, в поисках ласки, тишины и покоя. Она давала мне желаемое, дарила все, о чем бы я ни просил, ничего не требуя взамен. Ах, да, деньги, впрочем, это моя блажь.

Когда я впервые встретился с ней после школы и привёл в ближайшее кафе, рассказывая про свои успехи, она слушала, не перебивая, но стоило мне поинтересоваться, чем она занимается, между нами появилось напряжение. Глядя на неё, явно подбирающую нужные слова, сконфузился и я. Она виновато улыбнулась, потом сказала, что содержит публичный дом:

— Так уж вышло, — неуверенно пожав плечами, добавила она. Взгляд, смирившегося со всем на свете человека, заставил меня поёжиться. Сделав вид, что сообщение не произвело на меня впечатления, я торопливо откланялся. Но не сбежал, набрал её номер на следующий день, промышчал в трубку нечто бессвязное. Прервав меня на полуслове, Аня сказала:

— Приходи сегодня вечером после восьми, — дала адрес и отключилась.

Я остановился, занеся палец над именем любовницы. Горькая ирония судьбы, кроме нежности и соблезнований за плату, так ничего порядочного и не нашёл. «Хорошо, бабушка не дождала до этих дней», снова пришло издалека. Да, хорошо. Хотя... может быть, она смогла бы помочь, хоть добрым словом. Её хватки хватило бы на десятерых.

Господи, какой абсурд приходит в голову! Я уже пожалел, что отпустил Катю, может, она подсказала бы хоть что-то.

50000 долларов подходящему, — выделенная жирным шрифтом первая фраза очередного объявления заставила прочесть его до самого конца:

Требуется анонимный отец ребёнка. Далее контактный телефон с припиской: *обращаться к Тиамат.*

Бред, подумал я, продолжив обшаривать глазами раскрытую страницу в поисках других объявлений, но глаза сами собой возвращались к жирному шрифту.

Пятьдесят тысяч, этого может хватить, чтобы продержаться лабораторию ещё месяц-другой, систематизировать полученные результаты, тогда возможно наши исследования заинтересуют не только РАН, но и зарубежных спонсоров. Нужно подготовить статью и перевести на немецкий, французский, английский, значит, надо искать переводчика. Ах да, немецкий хорошо знает Катя...

Если конечно это странное объявление не является глупым розыгрышем. Но если существует хотя бы один шанс из ста, придётся уподобиться Нюше. Ради большого дела,

так сказать, нервно ухмыльнулся я сам на себя. Набивавшие номер пальцы дрожали, не попадая в кнопки на экране.

Приятный женский голос ответил после первого же гудка. Комок подкатил к горлу, пришлось откашляться.

— Здравствуйте, я Мардук, — поддерживая шутку с псевдонимом, хрипло сказал я. — Звоню по поводу объявления.

— Замечательно, Мардук, — понятливо ухмыльнулись на той стороне. — Не соблаговолите ли сообщить ваш возраст?

Я сообщил, поинтересовался, о чём идёт речь. Мне повторили: да суть в анонимном зачатии потомства, однако заказчица не желает вступать в интимные отношения, если я подойду на избранную роль, всё будет происходить в лаборатории. Оплата налом, по факту подтверждённой беременности:

— Ну что, господин Мардук, расклад вас устраивает? — завершая пояснения, поинтересовался показавшийся мне вдруг усталым голос.

— Отчего бы вам сразу не обратиться в банк спермы? Зачем такие сложности? — язвительно сказал я, закашлявшись непонятно откуда взявшейся решимостью. Что-то было в том голосе, от чего руки, сжимавшие трубку, окончательно перестали трястись.

— Я хочу видеть отца ребёнка, — спокойно произнесли в ответ. — Вас это ни к чему не обязывает, для чего будут оформлены соответствующие документы. Назначать вам встречу? — сухо поинтересовалась собеседница, после короткой паузы, видимо, не желая тратить время на пустопорожние разговоры. Я не замедлил согласиться.

— Через час в кафе у «Кропоткинской» со стороны бульвара, подойдёт? — Я взглянул на часы, прикидывая расстояние, условился. — Тогда возьмите с собой газету, садитесь за пустой столик, лучше с краю, и раскройте её на странице с объявлением. До встречи, господин Мардук, — проговорил голос на той стороне. Телефон запищал в ухе короткими сигналами отбоя и тут же затих. Я поймал себя на том, что пытаюсь представить себе женщину, избравшую подобное прозвище и одновременно с этим, давшую столь странное объявление. Потом принялся собираться: вечерело, на узких центральных улочках пробки.

Дороги не заметил: перегруженный неприятностями мозг впал в прострацию. Припарковав машину на стоянке в соседнем дворике, увидел искомое кафе — яркое разноцветье зонтиков на фоне убегающего лета. После недавно пронёсшейся над столицей грозы столики пустовали, я выбрал ближайший к арке входа в метро и положил на него газету. Ветер унялся, но редкие запоздалые капли всё ещё срывались с плотно укрытого серой пеленой низкого неба. Оно продолжало темнеть, несмотря на краткосрочное затишье. Ко мне подошла молоденькая официантка с открытой улыбкой на свеженьком конопатом лице, чем-то неуловимым напоминавшая Марину. Я отвёл глаза и заказал двойной эспрессо.

Стрелки часов упёрлись в назначенное время. Растущее напряжение в небесах сгустилось вокруг меня. Я тщетно старался сосредоточиться хоть на чём-нибудь. Когда обнажив белёсое дно миниатюрной чашечки, закончился кофе, я выудил из кармана пиджака начатую ещё до поездки пачку «Кэмела», (Марина не выносила табачного дыма) и нервно закурил, глядя, как усилившийся ветер кружит по тротуару опавшие листья, перемешивая их с извечным мусором.

Двадцать минут. Гроза не торопилась приближаться. Скорее всего, объявление в газете всего лишь обман подоб-

² Лысина не порок, но свидетельство мудрости.